

БРОНЗОВЫЙ ПЕРСТЕНЬ ИЗ ФАНАГОРИИ С ПОРТРЕТОМ АРМЯНСКОГО ЦАРЯ

ОЛЕГ НЕВЕРОВ (Ленинград)

Бронзовый перстень с любопытным портретным изображением на щитке был найден в 1950 г. на территории восточного некрополя Фанагории¹. Он был обнаружен в женском погребении, которое на основании остального погребального инвентаря (двуручного миниатюрного сосуда из местной глины, бронзовой серьги и бус) было отнесено к I в. н. э.² Однако женская головка, украшающая бронзовую серьгу, ближайшую аналогию себе находит в портретах Октавии на монетах Марка Антония, выпущенных триумвиром в 37 г. до н. э.³ Миниатюрный местный сосуд также принадлежит к концу I в. до н. э.⁴ Так что погребение, по-видимому, не заходит далеко в I в., а относится еще к концу I в. до н. э.

Интересующий нас перстень имеет форму, характерную для середины и второй половины I в. до н. э.: у него овальный щиток со сглаженными краями и расширяющаяся кверху шинка, снаружи—овальная в сечении, внутри—плоская⁵ (рис. 1). Весь щиток занимает обращенный влево портретный бюст мужчины в высоком головном уборе, имеющем очень характерную форму. Несмотря на некоторую разрушенность деталей окислами, здесь можно отметить все основные элементы парадной тиары царей Коммагены и Армении: высокую цилиндрическую часть убора увенчивают пять зубцов, задняя бранша тиары ниспадает на шею, передняя же поднята и завязана поверх цилиндрической тульи на лбу⁶. На затылке явственно читается узел греческой диадемы, дополнявшей восточный головной убор царя. Все эти элементы— пять зубцов в верхней части головного убора, поднятая передняя бранша тиары,

¹ Государственный музей истории искусств им. А. С. Пушкина (ГМИИ), инв. № Ф—562. Погребение № 39; И. Д. Марченко, Раскопки восточного некрополя Фанагории («Материалы и исследования по археологии СССР», № 57, М., 1956, с. 118, рис. 4).

² Там же, с. 121.

³ E. A. Sydenham, *The Coinage of the Roman Republic*, London, 1952, p. 197—199, pl. 29.

⁴ И. Д. Марченко, указ. соч., с. 120.

⁵ Ср. перстни в собрании Эрмитажа, инв. №№ ПАН 923, ПАН 918; M. L. Vollenweider, *Die Porträtgemmen der römischen Republik*, Mainz, 1972, Taf. 67, 7 (середина I в. до н. э.).

⁶ J. Joung, *Commagenian Tiarae: Royal and Divine* (*American Journal of Archaeology*, 68, 1964, p. 29).

греческая диадема— отмечаются на монетах армянских царей I в. до н. э. Тиграна II (95—56 гг. до н. э.) и Артавазда II (56—30 гг. до н. э.)⁷.

На фанагорийском перстне угадываются и следы украшений на цилиндрической части тиары, видимо, состоявших из восьмиконечной звезды и фланкировавших ее орлов. Общие очертания лица и характерный орлиный нос мужчины как будто позволяют сблизить портрет на перстне с изображениями Тиграна II на монетах антиохийской чеканки (рис. 5), но нам представляется, что базой для гораздо более твердого отождествления является скорее не физиономическое сходство, вопрос о котором всегда более или менее субъективен, а сама типология портрета. Здесь мы имеем дело с постоянными, устойчивыми элементами, очень характерными для своеобразного традиционализма восточного портрета, мало подверженного изменениям.

Такие детали, как поднятые передние бранши тиары, открытое ухо, узкая задняя бранша головного убора, сливающаяся с концом диадемы, необычны в нумизматике Тиграна II. Но все эти элементы постоянны в монетах его сына Артавазда (рис. 3). Уже И. Д. Марченко, издавая находку из Фанагории, предположила, что «этот перстень, вероятно, занесен сюда с Кавказа или из ближневосточных стран»⁸. Но как объяснить появление в некрополе азиатской столицы Боспорского царства изображения чужеземного династа? На первый взгляд это противоречит нашим представлениям об обязательной политической лояльности подданных по отношению к правящей династии. Однако, как показывают исследования, эти обязательные правила имели свои исключения. К подобным исключениям относится группа перстней III в. до н. э. с портретами Птолемея, выделенная нами в свое время в глиптическом материале боспорских некрополей⁹. В этом случае можно было говорить о корпоративных интересах верхушки морских торговцев, нашедших выражение в обычае носить перстень с изображением обожествленного чужеземного властителя. Сюда можно добавить и три глиптических портрета понтийского царя Митридата Евпатора, происходящих из Северного Причерноморья¹⁰. Но Митридат VI в течение хоть и недолгого времени все же был фактическим правителем Боспорского царства, которым до тех пор управляли его наместники. Один из портретов Митридата в перстневой оправе середины I в. был найден в погребении боспорца, жившего спустя почти 100 лет после гибели понтийского царя¹¹. Появление его портретов в этом районе и сравнительно

⁷ J. M. Toynbee, *Roman Historical Portraits*, London, 1978, p. 131, figs. 251—254; Б. Н. Аракелян, *Очерки по истории искусства Древней Армении*, Ереван, 1976, табл. LXXI—LXXVII.

⁸ И. Д. Марченко, *указ. соч.*, с. 121.

⁹ О. Я. Неверов, *Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа* («Вестник древней истории», 1974, № 1, с. 106—115).

¹⁰ О. Я. Неверов, *Митридат-Дионис* («Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. 37, 1973, с. 41—45).

¹¹ О. Я. Неверов, *Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикалея* («Советская археология», 1968, № 1, с. 235).

долгое бытование находит себе объяснение в политической обстановке на Боспоре, в независимой антиримской политике, которую пытались проводить правители созданной Митридатом династии.

Единичный пока портрет армянского царя из Фанагории не подходит ни к одной из двух вышеуказанных ситуаций. Его появление в этом районе античной ойкумены, видимо, следует связать с традициями клиентелы и родства. Известно, что дочь Митридата VI Клеопатра была женой Тиграна II¹². Она была выдана за армянского царя в 94 г. до н.

- 1 Бронзовый перстень из Фанагории. I в. до н. э. ГМИИ.
- 2 Портрет Артавазда II. Гипсовый слепок.
- 3 Монета Артавазда II.
- 4 Портрет Марка Красса. Гранат. I в. до н. э. Женева, частное собр.
- 5 Монета Тиграна II.

э. и была почти в три раза моложе своего супруга. Ее двор отличался блеском и образованностью, дочь Митридата любила окружать себя греческими художниками и учеными¹³. Спустя тридцать лет, когда Митридат Евпатор порвал отношения с Тиграном II, Клеопатра возврати-

¹² Th. Reinach, *Mithridate Eupator Roi de Pont*, Paris, 1890, p. 105.

¹³ К. В. Тревер, *Очерки по истории культуры древней Армении*, М.—Л., 1953, с. 12.

лась к своему отцу¹⁴. В эпоху митридатовских войн отмечены и массовые переселения армян в Северное Причерноморье¹⁵. Или в среде подобных переселенцев из Армении или в ближайшем окружении Митридата и его потомков могли циркулировать произведения портретной глиптики, подобные фанагорийскому перстню. В этой связи можно вспомнить рассказы историков о восстании 64 г. до н. э. в Фанагории, где много места отводится детям Митридата Евпатора, захваченным восставшими против него фанагорийцами и в качестве заложников переданным ими Помпею. Лишь любимой дочери царя Клеопатре, унаследовавшей его энергию и находчивость, удалось ускользнуть из восставшего города на посланной отцом биреме¹⁶.

По-видимому, женщина из Фанагории, в погребении которой был найден перстень с портретом, принадлежала к следующему поколению, нежели Клеопатра и ее сестры. У нас нет данных для выяснения степени ее родства с изображенным на перстне Артаваздом II. Это—первое известное изображение в глиптике этого правителя— «филэллина» на троне армянских царей. Он был постоянно окружен греческими философами, риториками и историками, подобными Метродору Скепсийскому и Амфиократу Афинскому, блиставшими при дворах Тиграна II и Клеопатры.¹⁷ Артавазд II был образованнейшим человеком своего времени, как и его современники Митридат Понтийский, Юба Мавританский и Архелай Каппадокийский, он был царем-литератором, писавшим речи, трагедии и исторические сочинения. По-видимому, плоды его литературных занятий были гораздо выше уровня обычных дилетантских «проб пера» коронованных писателей, так как его труды еще спустя 200 лет после его смерти были известны историку Плутарху, использовавшему их в своих сочинениях. Артавазд II проявил себя и как ловкий политик: ему довольно долго удалось лавировать между Римом и Парфией, могучими соседями Армении с запада и востока. В 54 г. до н. э. он выступил как союзник Рима, но спустя год предал римского полководца Марка Красса с его войском. В Арташате, столице Армении, он заключает торжественный мир с Парфией, скрепленный династическим браком, а в качестве реkvизита на представлении «Вакханок» Эврипида, данном царем для гостей, фигурировала голова убитого Красса¹⁸. Пытаясь в очередной раз переориентировать свою политику, Артавазд II стал жертвой обманутого им Марка Антония. В 34 г., захватив Арташат, римский военачальник взял в плен вероломного армянского союзника. Он был проведен в триумфальном шествии в Александрии и убит в 30 г. до н. э.¹⁹

¹⁴ Th. Reipach, указ. соч., с. 298.

¹⁵ „Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini“, I, № 35.

¹⁶ Аппиан, Войны Митридата, 117.

¹⁷ Плутарх, Лукулл, 22.

¹⁸ Плутарх, Красс, 19.

¹⁹ Плутарх, Антоний, 50.

Счастливым случаем подарил археологам и единственный до сих пор глиптический портрет преданного Артаваздом II Красса (рис. 4). Он вырезан на гранатовой гемме, украшающей парфянскую золотую гривну того типа, который встречается на монетах царя Вологеза I (51—78 гг.)²⁰. Вместе с четырьмя другими гранатовыми вставками в качестве центральной эта крупная гемма находится на трапециевидной плакетке, но вставлена в нее так, что портрет обращен внутрь, т. е. использован вторично с очевидно выраженным пренебрежением к изображенному на нем римскому патрицию. До сих пор не было известно портретов Красса. Он имеет на указанной гемме энергичное, волевое, но не вызывающее симпатии лицо. При взгляде на это первоклассное произведение античной глиптики невольно вспоминаются рассказы историков о вошедшей в поговорку жадности Красса. В этих глазах, сверкающих недобрым огнем, словно застыли отсветы костров, освещавших кресты со спартаковцами, распятыми по приказу римского полководца.

Рядом с этим полнокровным художественным документом, обнажающим самые затаенные черты характера, портрет Артавазда II из Фанагории кажется бледным, схематичным и безликим (рис. 2.). В этих двух изображениях исторических антагонистов отразились два полюса развития античного портрета— в западном варианте запечатлено все богатство и противоречивость живой индивидуальности, в восточном— лишь то, что веками считалось достойным увековечения.

Видимо, одна из клиенток армянского династа на далеком Боспоре, по всей вероятности, принадлежавшая к митридатовской династии, сохранила редкое изображение «царя царей божественного Артавазда», как он гордо называется в легендах. Фанагорийский портрет вообще единственное ныне изображение армянского царя в глиптике, если не считать гранатовой геммы из Парижской Национальной библиотеки, на которой Э. Баблон и Р. Цан видели портрет Музы, жены парфянского царя Фраата IV, а Б. Н. Аракелян—царицы Эрато, соправительницы армянского царя Тиграна IV²¹. Портрет восточного правителя из Фанагории такое же одиночное явление на Боспоре, как золотой венчик с индикацией монеты парфянского царя Фраата, обнаруженный в некрополе Пантикапея в 1873 г.²² Несмотря на их малочисленность, эти пока спорадические памятники— свидетельства того, что Боспорское царство в I в. до н. э. отнюдь не было изолированным «медвежьим углом» античной ойкумены, но тонкими нитями было связано как с ближайшими, так и с отдаленными соседями на востоке и западе.

²⁰ „Tresors de l'ancien Iran. Musée Rath. Katalog der Ausstellung“, Genève, 1966, № 682; M. L. Vollenweider, указ. соч., табл. 55.

²¹ E. Babelon, *La gravure en pierres fines*, Paris, 1894, p. 193, fig. 145; R. Zahn, *Ein kleines historisches Monument* („Anatolische Studien Ramsey“, Berlin, 1923, S. 441, Taf. XIV).

²² Государственный Эрмитаж, инв. № 11, 1873, 120; «Отчет археологической Комиссии за 1875 г.», СПб., 1878, с. 23.

По всей видимости, фанагорийский перстень с портретом представляет собой изделие армянского мастера и дает нам возможность судить о продукции еще мало известной мастерской глиптики из этого района античного Закавказья. Иератически застывшее изображение царя решено армянским резчиком полностью в традициях восточного портрета, где индивидуальное, неповторимое всегда оказывается принесенным в жертву ради репрезентативного, постоянного, вечного. Это в равной мере портрет Артавазда II, как и образ «царя царей» вообще, недоступного для проявлений свойств человеческой природы, застывшего в своем величии персонифицированного воплощения идеи о божественности власти.

Надо надеяться, что фанагорийская находка недолго останется единственным известным нам изображением армянских династов в глиптике. Находки на территории самой Армении должны поставить ее в ряд аналогичных памятников.

ՀԱՅ ԱՐՔԱՅԻ ԴԻՄԱՆԱԲՐՈՎ ԲՐՈՆԶԵ ՄԱՏԱՆԻ ՖԱՆԱԳՈՐԻԱՅԻՑ

ՕԼԵԳ ՆԵՎԵՐՈՎ (ԼԵՆԻՆԳՐԱԴ)

Ա մ փ ո փ ու մ

1950 թ. Ֆանագորիայի դամբարանադաշտում գտնված բրոնզե մատանու վրա փորագրված է հայ արքայի դիմանկար, որի նմանությունը Արտավազդ II-ի դրամների վրայի դիմանկարին, թույլ է տալիս ենթադրելու, որ այն Արտավազդ II-ի պատկերն է: Դա մատանու վրա փորագրված հայ թագավորի դիմանկարի միակ հայտնի օրինակն է, որը առանձնահատուկ տեղ է զբաղում մեզ հասած հուշարձանների շարքում:

Բոսփորյան թագավորության ասիական մայրաքաղաքի դամբարանադաշտից Հայաստանի թագավորի պատկերով կնիքի հայտնաբերումը բացատրվում է մ. թ. ա. I դ. հայկական և բոսփորյան հարստությունների միջև եղած ավանդական քաղաքական փոխհարաբերությունների և ազգակցական կապերի առկայությամբ: Ենթադրվում է նաև Անդրկովկասում տեղական, հայկական արհեստանոցի գոյություն, որի արտադրանքը կարող է լինել դիմանկարային կրեյթիվները այս հազվագյուտ հուշարձանը: